

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Жизненный мир – центральная проблема феноменологии. Она является по своей сути не чем иным, как прояснением смысла собственной человеческой жизни в ее целостности и многообразии. Гуссерль впервые в истории философии превратил в проблему то, что до него в качестве чем-то само собой разумеющимся, очевидным. Именно поэтому практическая сторона человеческого существования совершенно не исследовалась. Монография А.Л. Никифорова – опыт продуктивного осмысления самого понятия и возможности опоры на него в познавательной деятельности.*

Ключевые слова: философия, жизненный мир, феноменология, смысл, целостность, многообразие, мировоззрение, житейский опыт, обмирщение философии, истина, язык.

Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. 280 с. (тираж 300 экз.).

Осмысленность предметов

Можно ли считать, что окружающий мир предметов с их свойствами и отношениями существует «объективно», т.е. независимо от нас? С такого вопроса начинается аннотация к книге. Отрицательный ответ на этот традиционный вопрос уже не новость. Объективное бытие ускользнуло от современной философии. Современный любомудр знает, что на самом деле его как субъекта познания нет. Да собственно и мир, в котором он блистательно отсутствует, тоже не что иное, как некая фикция. Вот как пишет об этом, скажем, Вадим Руднев: «Представим себе берег реки, на берегу пасутся дикие кабаны. Светит солнце, лес шумит от порывов ветра и так далее. По нашему мнению, это не является картиной реальности, пока в нее не введен наблюдатель — человек. Реальность — свойство человеческого мышления. Понятие реальности придумано человеком, причем высокоорганизованным человеком, различающим имена (*берег, река, кабаны, ветер*) и предикаты (*пасть, течь, светить, шуметь*)¹.

¹ Руднев В.П. Полифоническое тело. Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис, 2010. С. 20.

Более того, размышляет далее В.П. Руднев, чтобы можно было сформулировать человеческую идею реальности как внешнего мира, нужно, чтобы в языке существовали пропозициональные установки. Он *видит*, как на берегу реки пасутся дикие кабаны. Понятие реальности, таким образом, — это результат занимающего многие тысячелетия процесса развития языка. Мы уже готовы довериться В.П. Рудневу. Но, оказывается, здесь о реальности сказано не все. Она не только не объективна, но, судя по всему, и не субъективна. В модной эпистемологии деконструировано не только бытие, но и сам наблюдатель. Он, как выясняется, всего лишь волновая функция...

Слава Богу, А.Л. Никифоров далек от этих изысков. Он знает, что и внутри постмодернизма нередко можно услышать истошное «назад к реальности!». Вообще говоря, само понятие «жизненного мира» есть своеобразное отступление от бесконечных заверений по поводу «ускользающего бытия». Ведь оно позволяет видеть истоки науки и строжайшего знания в «жизненном мире». Здесь начинает заявлять о себе новая социология знания. Отвергая традиционную философию столь же решительно, как и экзистенциалисты, Э. Гуссерль пошел еще дальше и устранил вообще все концепции «реальности», кроме опытной (феноменологической). Он писал: если я вижу розового слова, то этот образ принадлежит к сфере человеческого

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00574а
«Духовность как проблема современной культуры».

опыта не в меньшей степени, чем тщательные измерения, сделанные ученым в лаборатории. Гуссерль настаивает на особой роли креативности в каждом акте восприятия.

Объясняя замысел книги, А.Л. Никифоров сообщает, что хотел показать, как человек конструирует тот индивидуальный мир, в котором живет. Он стремился также ответить на вопрос, зачем человек это делает. Еще Ф. Ницше отмечал, что мозг играет важную роль моментального интерпретатора данных. А.Л. Никифоров указывает на особое значение воображения и памяти в восприятии окружающего мира.

Итак, известный отечественный философ в рецензируемой книге представляет нам мир, окружающий человека. Разумеется, в определенном ограничении. Мир безбрежен. Но А.Л. Никифоров относится с доверием к той природной и социальной среде, которую конструирует человек. Он в этом смысле нередко идет от обыденности, от житейских представлений. Но при этом постоянно обеспечивает возгонку от элементарных мирских суждений, от произнесенного в определенном контексте слова к теоретическим выводам. Здесь перед нами возникает образ живого Александра Леонидовича, вечно сбивающего с толку (или наоборот наставляющего) юных философов приглашением поспорить по элементарному житейскому поводу.

Теоретическое размежевание начинается у А.Л. Никифорова с простых, но иллюстративно ярких соображений. Разумеется, у каждого человека выстраивается собственный образ мира. Он сооружается жизненным опытом, очевидными констатациями, реализмом повседневных впечатлений. Добавим еще и психологической типажностью этого человека. Ведь ему мнится, будто так, как он воспринимает мир, таким он и предстает перед каждым человеком. Дело не только в том, что мы разные. Суть в том, что каждому кажется, что его восприятие мира законно и нормально. Все остальное — отклонение или патология. В этих констатациях я целиком доверяю Юнгу. Ведь раскрытые им способы приспособления к реальности — мышление, эмоция, ощущение, интуиция творят мир еще раньше, чем он получает информацию от органов чувств, языка или культурных стандартов.

Что уж толковать про разные культуры! Мы разглядываем мадонн, запечатленных на полотнах живописцев Возрождения, и поражаемся их высоким бритым лбам, особому выражению лица. Они кажутся нам инопланетянками. Возрожденцы любят жирными складками у женских фигур,

а мы сравниваем их с тощими современными топ-моделями в полном соответствии с нынешней модой. Чернокожая красавица из джунглей — выбивает клыки, резцы стачивает на треугольник и натирает лиственным соком с золой, пока не станут черными. А мы зачарованно смотрим на рекламу белизны зубов. Рубленый орлиный профиль конкистадора для европейца отражает мужественную красоту. Но для азиата — уродство длинноносого племени. Люди исторических эпох, представители разных, говорящих на разных языках, — констатирует А.Л. Никифоров, живут в разных мирах.

Природу и социум автор описывает поэтично и приметливо: «Окружающий нас мир наполнен предметами». Вот расцвел куст шиповника, бабочка пролетела, назойливо пицат комары, идут по дороге какие-то люди — все это предметы. Наш язык способен превращать в предметы даже такие вещи, как удар грома, любовь, улыбка Джоконды². Это конечно, правда, хотя существуют муки коммуникации, и еще улица корчится безъязыкая. Но и нам тоже нередко «нечем кричать и разговаривать». Промельк молнии можно выразить, обозначить словесно или кистью, но добраться до глубины этого образа невероятно трудно.

Окружающие нас предметы осмысленны. Но как мы постигаем их суть? А.Л. Никифоров считает, что мы пытаемся «разломать» свою любимую игрушку — окружающий мир. Но предназначенность предмета задается также и простым созерцанием, наитием. М. Метерлинк придумал «Синюю птицу». Он не знал, что в горах Азии есть такая темно-синяя птица. Воображение опережает сознание, интуиция — открытие. Пытливый, захваченный необычными впечатлениями, Метерлинк все время философичен. Мировоззрение Метерлинка окаймлено грозными сюжетами — видением смерти, тайной полного исчезновения, растворения в хаосе природы...

И вот еще одно соображение. Предметы не безгласны. Они вступают с нами в общение, порой перехватывая инициативу. Вот цветок, выражающий грациозный испуг: «не тронь меня!» А вот пушкинский дуб уединенный, который рождает у поэта мысль о недолговечности земного существования. Мощный девятый вал, грозящий смыть фигурки людей на плоту, не только просится на картину Ивана Айвазовского, но и почти буквально «разговаривает» с художником. В Англии XIX в.

² Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 29.

жил поэт Альфред Теннисон (1809-1892). Он пытался романтизировать унылое мещанское существование, нередко обращался к сентиментальным темам. Однажды он прогуливался среди расщелин и увидел цветок. Вот что он написал:

*«Возросший средь руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь — вот корень, стебелек,
Здесь на моей ладони.
Мы мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек,
И в чем вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы».*

Теперь, вникнув в приведенные строчки, попытаемся понять, как был воспринят цветок поэтом. Может быть, он наслаждался приятным зрелищем и отправился дальше? Нет же, любуясь природным творением, он его сорвал. Причем даже с корнем. Корень и стебелек — на его ладони. Зачем он это сделал? Можно догадаться: чтобы обострить мысль, как бы подержать ее на ладони и подумать. Своеобразное, вообще говоря, занятие. Создал гимн цветку и тут же его погубил. Мало того, еще придумал себе красивое оправдание. Мол, цветок способен помочь поэту проникнуть в суть человека. И не только — куда там! — можно распознать и самого Бога...

Строго говоря, если продолжать наши рассуждения, английский поэт выразил специфическое умонастроение, характерное, судя по всему, не только для него лично. Вся европейская культура пронизана такой установкой. Люди этой культуры не столько наблюдают природу, сколько пытаются ее исследовать, вырвать присущие ей тайны. Они стараются поставить природу себе на службу, овладеть ею («разломать игрушку»). «При этом в поисках истины умерщвляют все живое.

Но может быть, такое отношение к природе свойственно всем людям? Ведь человек — властелин природы. Американский философ Д.Т. Судзуки, читая лекции по дзэн-буддизму, нашел иллюстрации иного рода. Он привел хокку (жанр японской поэзии, нерифмованное стихотворение) японского поэта XVII в. В. Басё (1644-1694). Вот оно:

*“Внимательно взглядишь!
Цветы «пастишьей сумки»
Увидишь под плетнем!»*

Итак, два разных человека, представители не одинаковых культур, увидели цветок во время прогулки. Их переживания оказались сходными. Творение вызвало восторг. Однако европеец сорвал цветок и погубил его. У японца в душе не возникло ничего подобного. Он не только не вырвал цветок из земли. У него не родилась даже мысль дотронуться до него. Он лишь «внимательно взгляделся, чтобы «увидеть» цветок. Англичанин хотел обладать цветком, японец обнаружил способность созерцать его. Оставить жить природное создание — стать с ним единым целым. Это уже совсем иное мирозерцание.

Американский философ Эрих Фромм комментирует трёхстишие поэта следующим образом: «Вероятно, Басё шел по проселочной дороге и увидел у плетня нечто малоприметное. Он подошел поближе, внимательно взгляделся в него и обнаружил, что это всего лишь дикое растение, довольно невзрачное и не привлекающее взгляда прохожего. Чувство, которым проникнуто описание этого незамысловатого сюжета, нельзя назвать особенно поэтическим, за исключением, может быть, последних двух слогов, которые по-японски читаются как «кана». Эта частица часто прибавляется к существительным, прилагательным или наречиям и приносит ощущение восхищения или похвалы, печали и радости и может быть при переводе в некоторых случаях весьма приблизительно передана с помощью восклицательного знака. В данном хокку все трёхстишие заканчивается восклицательным знаком»³.

Один, не задумываясь, срывает цветок, другой даже не помышляет об этом. Но может, оказывается, родиться еще одно состояние, близкое к тому и другому умонастроению. Немецкий поэт Иоганн Гёте написал стихотворение «Нашёл»:

*«Бродил я лесом...
В глуши его
Найти не чаял я ничего.
Смотрю, цветочек,
В тени ветвей,
Всех глаз прекрасней,
Всех звезд светлей.
Простер я руку,
Но молвил он:
«Ужель погибнуть я осужден?»
Я взял с корнями питомца рос
И в сад прохладный к себе отнес,
В тиши местечко ему отвел,
Цветет он снова, как прежде цвел».*

³ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1986. С. 46.

Эту ситуацию тоже описывает американский философ Эрих Фромм. Он отмечает, что Гёте прогуливался в лесу без всякой цели, когда его взгляд привлек яркий цветок. У Гёте возникает то же желание, что и у Тённисона: сорвать цветок. Но в отличие от Тённисона Гёте понимает, что это означает погубить его. Для Гёте этот цветок в такой степени живое существо, что он даже говорит с поэтом и предостерегает его.

Гёте решает эту проблему иначе, нежели Тённисон или Басе. Он берет цветок «с корнями» и пересаживает его «в сад прохладный», не разрушая его жизни. Позиция Гёте является промежуточной между позициями Тённисона и Басе: в решающий момент сила жизни берет верх над простой любознательностью. Нет нужды, замечает Э. Фромм, что в этом прекрасном стихотворении выражена суть его концепции исследования природы⁴.

Итак, три стихотворения о цветке. Можно пробежать их глазами и не обратить внимания на то, что они различны. Сколько вопросов рождает ситуация: шел по дороге, увидел цветок и ... Стихотворные строчки, оказывается, могут стать путеводителем в мир разных культур. Читая стихи, мы сравниваем, размышляем, даем оценку. Находим решение: сорвать цветок, оставить его среди руин или под плетнем, перенести в прохладный сад. Стало быть, мы не просто потребляем стихи, а философствуем... А.Л. Никифоров любит сойти с заоблачных высот философии и обратить наше внимание на простые житейские события, достойные размышления. Хорошо запомнил, как он допытывался у аспирантки, сдающий экзамен: «вот чистый лист бумаги, где здесь культура, а где — цивилизация?». Bravo, Александр Никифорович.

Бытийная суть

Беглое впечатление о книге рождает ассоциацию с коллажем. Выбор сюжетов и тем кажется произвольным, не сразу постигается смысл подтекста. В самом деле, если речь идет о жизненном мире, то надо ли сразу выставлять культ рациональности? Когда б мы знали, из какого сора вырастают в этом мире повседневности строгие концепты. А если этот сор нам неинтересен, то может быть следует просто писать работу о строгой рациональности, которая несовместима с беллетристическими упражнениями?

Однако первое впечатление рассеивается. По крайней мере, первая часть «Структура жизненного мира» выстроена по очевидной логике. Представлена когнитивная цепочка: сама реальность, логическая семантика, понятие смысла в языке, смысл языковых выражений, конструктивная функция языка и мир человека. Дальше речь идет о знании, о социокультурной его аранжировке и о субъективности индивидуального космоса.

Пожалуй, судя по всему, мы вступаем не в сам жизненный мир человека, а в область его осмысления и освоения. Все-таки необходимость самого понятия Гуссерль объясняет не только стремлением непосредственно описать наш опыт, но и желанием обозначить этот мир как реальность в ее повседневной практике. Предполагается, прежде всего, бытие как таковое. А потом и его способы его бытования, построения.

Понятие жизненного мира (нем. *Lebenswelt*) — как известно, одно из основных в феноменологии позднего Э. Гуссерля. Он ввёл его в работе «Кризис европейских наук и трансцендентная феноменология». Так, немецкий философ обозначил опыт и деятельность человека в повседневной жизни. Он придал человеческому существованию значимую бытийную суть. Он увидел в жизненном мире непосредственную предпосылку жизнедеятельности человека: — мир предшествует человеку в качестве универсального поля возможностей его практической и теоретической деятельности. Гуссерль как раз и делает эту само собой разумеющуюся «предданность жизненного мира» объектом феноменологического исследования.

Жизненный мир следует понимать не в смысле мировосприятия, мировоззрения, но в качестве того конкретного, чувственно — данного мира, в котором непосредственно живет человек. Его важно отличать от других «миров», в частности, от мнимо автономных смысловых образований, которые конструируются в пределах специализированной культурной деятельности. Таким образом, Гуссерль обращает внимание на сугубо житейский опыт, не включённый в хорошо знакомые нам, освоенные теоретические концепты. Другая мысль немецкого философа заключается в том, что этот мир не является следствием научной, философской практики, в результате которой возникает картина мира. Напротив, опора именно на эти непосредственные, вырастающие из почвы самой жизни представления и переживания. Это сфера разностороннего человеческого опыта, который можно назвать «универсумом сущего».

⁴ Там же. С. 47.

Суждение, согласно которому понятие «жизненного мира» близко по смыслу категории «мировоззрения»⁵, нельзя принять без критического пояснения. Разумеется, речь идет о взгляде на реальность, на мир в целом. Однако само понятие мировоззрения немислимо без разносторонней теоретической работы в рамках сложившихся теоретических форм освоения действительности. Оно включает в себя систему взглядов на мир, человека и место человека, на отношение человека к миру и самому себе. В таком толковании от нас ускользает принципиальное отличие жизненного мира от мировоззрения. Да, мировоззрение строится на человеческих идеалах и подчас индивидуализированных представлениях. Но оно оказывается предельным обобщением рефлексивной деятельности. Этого нельзя сказать о «жизненном мире». Он скорее указывает на горизонт, нежели на обретенную границу.

Жизненный мир одновременно не имеет ничего общего с целостностью реальности, с космосом. Он предшествует научному освоению реальности. Он вообще является подпочвой всякого суждения и возникает раньше, чем мы философствуем или ставим и решаем научные проблемы. Картины мира (мистические, религиозные, художественные, научные и философские) ориентируют нас в мире, но фундаментом для всех этих ориентаций всегда остается конкретный мир. Не будь глубоко индивидуальных представлений, вырастающих из жизненной практики, наука окажется обедненной, оскопленной, а подчас сухой и бесплодной.

Прежде чем начать осваивать действительность, человек оказывается погруженным в повседневный опыт. И этот практический ярус жизни не устраняется, не сглаживается. Напротив, он дает импульс для построения более строгих, развернутых и в определенной степени отчужденных от первоначального корпуса представлений. Следует поэтому разглядеть в любом научном, теоретическом построении этот изначальный практический смысл. В отличие от мировоззрения жизненный мир открыт и бесконечно разнообразен. В этом контексте можно понять призыв Гуссерля «Назад к вещам!» Для европейской культуры тема личности — ключевая. Слово это подразумевает социально и духовно развитого человека. Оно подчеркивает возвышение конкретного индивида над природным миром. Поздняя античность называла

человека личностью, чтобы подчеркнуть, что он не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие свойства.

В истории философии постоянно присутствуют попытки «обмирщить» постижение человека, приблизить его к обыденному социальному опыту, к реальностям повседневности. В этом смысле понятие «жизненного мира» и несет в себе это содержание. Э. Гуссерль отмечал, что личностная жизнь есть социализированная жизнь в качестве «я» и «мы» внутри определенного социального горизонта, а именно внутри разнообразных, простых или усложненных, общественных образований, таких, как семья, нация, наднациональная общность. В данном контексте слово «жить» имеет уже не физиологический смысл, а обозначает целенаправленную жизнедеятельность, которая производит структуры духовного порядка. В широком смысле это и есть жизнь, творящая культуру внутри непрерывного исторического процесса. Все это и есть тема современной философской гуманитаристики.

Философское постижение человека уже в античной культуре направлено и на обыденный мир, в котором правят мифологические силы, и на людей и на прочие, низшие существа этого мира. Цель этого знания в том, чтобы служить человеку в его человеческих задачах, дать ему возможность прожить земную жизнь как можно счастливее, охранять его жизнь от болезней, от превратностей судьбы, от нужды и смерти. Очевидно, что такое практически-мифологическое мировосприятие может включать в себя немалое знание действительного мира, познанный в своего рода научном опыте.

В.А. Лекторский, к примеру, в своих работах показывает, что мир, в котором живет человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, следуя мысли академика, что это несколько миров: обычный «жизненный мир», мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием. Отношения между этими «мирами» не просты. Иногда представляется, что они просто исключают друг друга. Философия пытается найти связи между этими мирами и построить между ними мосты⁶.

Всякая исторически реальная философия может толковаться как более или менее успешное стремление реализовать идею бесконечности и

⁵ Фарман И.П. Жизненный мир // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 643.

⁶ Лекторский В.А. Философия. Познание. Культура. М., 2012.

совокупности истины. На самом деле житейские соображения, практические идеалы выставляют перед нами множество разных «миров». Они держат человека, который никак не может отказаться от них. Ему мнится, что стоит предать эти установки, как он станет изгоем, несчастным. Но именно желание освоить жизненный мир, который уже на уровне социальной практики допускает множество толкований, приближает нас к разгадке тайн, волнующих ум и человеческое воображение. «Жизненный мир» задает возможный ракурс научной деятельности. Он как раз и вводит нас в пространство наличных предметов и человеческих практик. Он раскрывает и трансцендентальный горизонт всякого смысла.

Будучи смысловым основанием науки, жизненный мир в то же время может ассимилировать ее отдельные новообразования, следовательно, наука способна оказывать на него обратное воздействие. Взаимодействие жизненного мира и отдельных миров является, стало быть, одним из механизмов исторического развития культуры. Жизненный мир выступает как универсальный горизонт всей человеческой деятельности, тем самым задавая единство культуры, то есть позволяя рассматривать ее как целое и соотносить между собой ее отдельные области.

Жизненный мир можно трактовать как мир непосредственного и конкретного чувственного опыта. Основной вопрос жизненного мира в понимании Гуссерля — это вопрос о смысле и назначении человека. Однако осмыслить этот круг проблем средствами классической науки не представляется возможным, особенно если учесть многообразие когнитивных практик, которые сложились в современном сознании. Можно объединить два подхода к изучению жизненного мира личности — постклассический, для которого характерно принципиальное разделение субъекта (исследователя) и объекта (личности и ее жизненного мира) познания, и постнеклассический. Именно в этом последнем подходе преодолевается дуальность субъекта и объекта познавательной деятельности, а таким образом устраняется контрверза научной рационализации и обыденной типизации. Действительно, постнеклассическая модель исследования предполагает творческое взаимодействие (диалог, дискурс) двух и более субъектов — ученого (философа, социолога, психолога, историка) и индивидов как обыденных философов и социальных толкователей собственной жизни. Именно в этом ключе можно раскрыть основные положения

«философии жизни» и «социологии жизни» как относительно новых исследовательских перспектив постнеклассического типа, интегрирующих в себе научный, философский и обыденный уровни познания. Разумеется, такая интеграция не является полной. В идеале поиск адекватного постижения человека предполагает еще большую целостность, которая включала бы в себя и теологический, и эстетический опыт.

Рациональная философия

Философия существует в многообразии собственных вариантов. Мы знаем А.Л. Никифорова как рыцаря строгой логики и рационалистического философствования. Знакомы с его едкими разоблачениями так называемого псевдофилософского мусора. Вероятно, имеется в виду тот самый «философский фольклор», который обозначил в свое время Олвин Димер. Философия существует во множестве ипостасей. У нее есть собственная подпочва. Но А.Л. Никифоров ценит в ней ясно выраженную мысль, ее обоснование. Художественный образ, порожденный чувством, он «одаривает» меньше. Здесь он усматривает отступление от рационалистического изложения. А.Л. Никифоров резок по отношению к текстам, продиктованным чувством, но превращающим мысль в типографский знак. Под «разделку» попал и Ф. Ницше, и Ж. Делёз, и М. Мамардашвили.

Соглашаясь с автором по поводу недопустимости словоблудия, все же не могу принять его способ «разоблачения» философов на основе отдельных цитат. Так, размышления М.К. Мамардашвили, относящиеся к реальной философии и противопоставленные философии систем и понятий, как раз, по моему убеждению, относятся к теме книги А.Л. Никифорова и не заслуживают того, чтобы ими иллюстрировать обездоленность смысла. Парадокс в том, что представители, которых А.Л. Никифоров относит к литературной философии, тоже выступали за ясность мысли и незыблемость доказательства. Так Ф. Ницше был предельно критичен, отвергая тех, кто «прекрасные чувства принимает за аргументы, а убеждение за критерий истины»⁷.

Мне представляется, что тема двух моделей познания неплохо была описана в свое время Г. Померанцем. Он писал о том, что в древней философии обе модели выступают как различные

⁷ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 639.

системы, учения: с одной стороны, поэтический парадоксализм Гераклита и Лаоцзы; с другой — рассудочные конструкции (атомизм, формальная логика: характерно, что в Индии логики и атомисты сливались в одну школу — Ньяя-Вайшешика. Первая модель заметнее в древнейшей философии: впоследствии побеждает вторая. Гераклит и Лаоцзы были аутсайдерами, восставшими против еще не вполне сложившейся, но уже достаточно сильной и ощутимой рационалистической тенденции. Это были попытки свернуть философию к пути, по которому она шла, — от Фалеса к Аристотелю от Конфуция к Сюньцзы. Сама форма мысли Гераклита или Лаоцзы полемична и предполагает предмет полемики — философию здравого смысла. Характерные приемы Гераклита и Лаоцзы — отказ от положительного определения или внутренне противоречивое определение, сознательное «шиворот-навыворот» здравого смысла⁸. По мнению Г. Померанца, обе модели существуют рядом друг с другом. Ни одну из них нельзя назвать старшей, нельзя упразднить. То одна берет верх, то другая оказывается влиятельнее.

В критике литературного философствования не следует быть столь безоглядным. Такие попытки уже не раз доказывали свою несостоятельность. Один из властителей дум Европы начала минувшего века Макс Нордау писал о Ницше: ««Если читать произведения Ницше одно за другим, — пишет Нордау, — то с первой до последней страницы получается впечатление, как будто слышишь буйного помешанного, изрыгающего оглушительный поток слов со сверкающими глазами, дикими жестами и с пеной у рта, по временам раздражающегося безумным хохотом, непристойной бранью или проклятиями, сменяющимися вдруг головокружительной пляской, или накидывающегося с грозным видом и сжатыми кулаками на посетителя или воображаемого противника. Если этот бесконечный поток слов имеет какой-то смысл, то в нем можно различить ряд повторяющихся галлюцинаций, вызываемых обманов чувств и болезненными органическими процессами. Там и сям всплывает ясная мысль, имеющая как всегда у буйных помешанных, характер категорический, повелительный. Ницше не аргументирует. Когда ему кажется, что он может натолкнуться на возражение, он осмеивает его и резко декретирует: «это — ложь» Но он сам вечно противоречит своим диктаторским заявлениям. Сказав что-нибудь, он

тотчас же говорит противоположное, и притом с одинаковой страстностью, по большей частью в той же книге, на одной и той же странице. Иногда он сам замечает это противоречие и тогда делает вид, будто потешался над читателями»⁹.

Конечно, эти строчки можно оценить как злобный пасквиль. Никто никогда из современников Ницше не изображал пляшущего философа со сверкающими глазами и безрассудным хохотом. Никому не приходило в голову, что тексты философа — это ревущее безумие, не поддающееся анализу. С таким же успехом можно фантазировать, что, читая сочинения Нордау, представляешь себе злобного, угрюмого человека, с вращающимися глазами, в которых разлито презрение, а психиатрические выводы сопровождаются барабанным боем.

Раскритиковав текст М.К. Мамардашвили, Александр Леонидович все-таки не стал выдавать простоту и связность изложения за единственный философский эталон. Он пишет: «И высшие образцы философского творчества мы получаем в тех редких случаях, когда интересная философская мысль облекается в хорошую литературную форму. Таковы некоторые произведения А. Бергсона и Х. Ортеги-и-Гассета, С. Франка и Н. Бердяева, П. Тейяра де Шардена и Э. Ильенкова»¹⁰. Мне безоговорочно нравится попытка моего коллеги изложить основные особенности философии, которую он называет «рациональной»: 1) В их текстах всегда можно найти мысль, 2) Рациональный философ старается обосновать свою мысль. 3) Он пытается выразить эту мысль ясно.

А.Л. Никифоров пишет: «Рациональный философ пытается формулировать ответы на разнообразные мировоззренческие вопросы: что собой представляет окружающий мир — реален он или является моей иллюзией? Как доказывается его реальность? Существует ли один-единственный мир или их множество? Что такое время? Необходимо ли связано сознание с мозгом или оно может существовать само по себе? Продолжается ли жизнь человека после смерти его тела? Что такое познание, знание и истина? Что есть добро?»¹¹

Конечно, можно добавить, что эти вопросы волнуют не только рационального философа. У того же Ницше, объявленного в данном случае антиподом, можно без труда обнаружить такие

⁸ Померанц Григорий. Выход из транса. М., 2010. С. 43.

⁹ Нордау Макс. Вырождение. М., 1995. С. 259.

¹⁰ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 23-24.

¹¹ Там же. С. 13-14.

же попытки. Он писал о том, что реально существующий мир — единственный мир, а некий «идеальный мир» есть своеобразное повторение существующего мира. Этот идеальный мир — цельный, утешающий мир иллюзий и фикций, это все, что мы ценим и ощущаем как приятное. Он есть источник опаснейших покушений на жизнь, величайших сомнений и всяческого обесценивания того мира, который мы представляем собой. Так земная жизнь оказывается лишенной смысла и ценности и начинает отвергаться.

Смысл и значение

Прослеживая логику жизненного мира, А.Л. Никифоров рассматривает союз науки и философии. «Конечно, — пишет он, — не только философы, создатели мифов и богословы пытаются понять, что собой представляет мир и как устроены вещи, среди которых мы живем. Главный вклад в познание мира в последние столетия вносят наука и ученые»¹². Весьма неожиданна и интересна попытка автора монографии обратиться к Э. Маху, которого критиковал В.И. Ленин. Хотелось бы сразу отметить, что сложности познания начинаются уже на уровне ощущений. В каком смысле можно сказать, что органы чувств у всех людей устроены и действуют одинаково? Современная психология как раз отмечает, что среди людей есть визуалы и аудиалы, есть ощущающие типы и интуитивы. Но в целом полемика — сильная сторона книги А.Л. Никифорова.

Маргинальные соображения автора монографии на полях концепта Ю.С. Степанова, изложение новых идей в отечественной философии, ссылки на работы В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, Л.А. Микешиной, Л.А. Марковой создают широкое проблемное поле для обсуждения главной идеи книги А.Л. Никифорова, которая выражает многосторонние связи жизненного мира и теории познания. За последние десятилетия в области изучения мыслительных процессов человека произошли значительные изменения. Многие традиционные точки зрения, связанные с изучением интеллекта, мышления, познания, сегодня оказываются устаревшими.

Это относится, в частности, к стремлению создать «окончательную», «единственно верную» модель познания на основе эпистемологии и когнитивной психологии. Другой тенденцией,

характерной для данного психологического направления, оказывается стремление «оградить» теорию мышления от иных, смежных областей психологического знания. «Психологи начинают отождествлять человека с когнитивным стилем, которым он обладает, с познавательными мотивами, которые ему свойственны, с идеями, которые он продуцирует. Однако сколь бы искусно мы не описывали те или иные особенности познавательных процессов, сами по себе эти особенности или их определенная организация не способны действовать в предметном мире. Субъектом деяния, поступка выступает сам человек (но не мотив или мышление, сама личность»¹³. (Некоторые механические схемы мышления не подтверждаются даже в ходе личного опыта).

Назрела потребность в освоении новых перспективных направлений когнитивной психологии. Среди них особую ценность представляет, на наш взгляд, эволюционно-информационная эпистемология. Она стремится интегрировать когнитивные модели, модели переработки информации и современные эволюционные представления применительно к задаче психологического исследования человеческого познания. Разделяя вместе с многими другими направлениями натуралистической эпистемологии позиции гипотетического реализма¹⁴, эволюционно-информационная эпистемология в то же время полагается на свои собственные предпосылки, рассматривая человеческое познание как видоспецифическую форму информационного контроля окружающей среды и внутренних когнитивных состояний людей, обеспечивающих их выживание. Эта форма информационного контроля возникает из процесса взаимодействия эволюционирующего объекта и субъекта познания, которые в одинаковой степени реальны и принадлежат к одному и тому же типу реальности»¹⁵.

Окружающий нас мир за минувшие десятилетия серьезно переменялся — сейчас даже трудно представить себе какую-то сферу практической деятельности людей, где бы вообще не применялись информационные технологии. Персональный компьютер, Интернет и другие глобальные средства коммуникации стали непременными атрибутами нашей повседневной жизни. Научный и технологи-

¹² Там же. С. 31.

¹³ Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003. С. 12.

¹⁴ См.: Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998.

¹⁵ Меркулов И.П. Когнитивные способности. М., 2005. С. 3.

ческий процесс, быстрое развитие в последние десятилетия информационных технологий и создание на их основе все более сложных искусственных интеллектуальных устройств ставят современную эпистемологическую психологию перед весьма непростым выбором — либо она должна скорректировать свои представления с учетом теоретических достижений и экспериментальных данных когнитивной науки, либо, ограничившись традиционными теоретико-познавательными парадигмами, оказаться на периферии когнитивных исследований.

За последние годы в отечественной философии, и это находит развернутое освещение в монографии А.Л. Никифорова, возник обостренный интерес к феномену смысла. Это понятие стало сегодня междисциплинарным. Оно используется в философии, этике, психологии и в других гуманитарных дисциплинах. При этом рождается фундаментальная оппозиция — осмысленность и бессмысленность. По словам французского философа Жюль Делёза, понимание возможно только как самоутверждение смысла перед ликом бессмыслия, рождения чего-то в разворачивающемся поле ничто¹⁶. (Понять, по Делёзу, означает заразиться бессмыслием, чтобы, вступив в борьбу со смертельным исходом, самому породить новый смысл).

Однако смысл не находится в определенной точке пространства и времени, откуда его можно взять и примерить на себя, истолковать окончательно и безупречно. Смысл, эта «несуществующая сущность» (Делёз), ускользает от попыток предельной, исчерпывающей вербализации и рационализации, однако он постоянно воссоздается и уточняется в процессах общения между людьми и культурами. В прошлом веке человечество столкнулось с ситуацией смыслопотери. Современная философия стала уделять этому феномену значительное внимание. Многие авторы пишут сегодня о том, что «вымывание» из человеческой жизни основополагающих ценностей, мотивов и целей, смыслов обесценивает человеческую жизнь, превращая ее в подобие жизни. Поэтому так актуально обращение к проблеме смысла в философском ключе, интегрирующем многообразие подходов к пониманию смысла в философии, психологии, логике, лингвистике, социологии.

«В сущности вся история науки, — пишет А.Л. Никифоров, — показывает, что с ростом научных знаний в тех или иных областях растёт, углубляется, уточняется смысл научных терминов.

Это кажется настолько очевидным, что не нуждается в дальнейших примерах и иллюстрациях. Это даже тривиально. Гораздо интереснее и сложнее другой вопрос: как происходит обогащение смысла научных терминов и слов повседневного языка? Как «оседает» в них полученное знание?»¹⁷

Социокультурная обусловленность знания

Как создается смысл? Где он пребывает? Как передается и понимается? Этим вопросам посвящены работы выдающихся философов и психологов, но исчерпывающего ответа все еще нет. Есть осознание того факта, что мы натолкнулись на чрезвычайно важную проблему понимания. Культура — это конституирование определенной осмысленной общности между людьми, которая, связывая и объединяя, открыта иному бытию и опыту. Здесь очевидна ограниченность инструментального подхода к человеческому существованию. Все эти обстоятельства объясняют необходимость обращения к теме смыслового мира образования. Чувство осмысленности жизни дает опору, внушает надежду, заставляя вновь и вновь обращаться к выявлению сущности смысла.

«С помощью мышления, — пишет А.Л. Никифоров, — человек строит картину окружающего мира, и эта картина находит свое выражение в языке. Язык одной своей стороной обращен к мышлению: именно оно наполняет языковые выражения смыслом. Но другой своей стороной он обращен к миру: мышление, смысл с помощью языка налагается на внешние воздействия, интерпретируя их в виде предметов. Так создается мир, в котором мы живем»¹⁸.

Люди различных культур придерживаются разных убеждений о том, как дети учатся языку. Культуры различаются также и по способам поведения в отношении детей, которые учатся говорить. Например, каули из Папуа-Новой Гвинеи считают, что детям требуется тщательное руководство и явные наставления, как в области форм разговорного языка, так и в сфере навыков общения. Они уверены, что дети не научатся языку и навыкам общения, если их не будут этому явно учить. Каули, следуя этому убеждению, учат своих детей тому, как нужно правильно общаться.

¹⁷ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 69-69.

¹⁸ Там же. С. 123-124.

¹⁶ Делёз Жюль. Критика и клиника. СПб., 2002.

Взрослые жители острова Самоа обычно полагают, что первые попытки детей говорить ничего не значат и что дети, в любом случае, не могут сказать ничего такого, что было бы важно для взрослых. Из-за этих убеждений взрослые самоанцы не обучают специально своих детей языку и никаких разговоров с детьми, как правило, не ведут. Фактически, их дети слышат, в основном, речь своих старших братьев и сестер, а не речь взрослых.

Язык можно рассматривать и как проявление, и как продукт культуры. Это верно для любой культуры и для любого языка, которые мы возьмемся исследовать. Один из способов увидеть такие связи — обратить внимание на сходства и различия в лексике языков разных культур. Слова, существующие в некоторых языках, отсутствуют в других

Многие слышали, что эскимосский язык содержит больше слов для описания снега, чем английский. Уорф первым указал на то, что в современном эскимосском языке имеется три слова для обозначения снега, тогда как в английском для описания всех этих трех типов снега используется одно слово snow (снег). Многие другие языки также содержат слова, которых нет в английском. В главе 11, например, мы встречали несколько слов, описывающих эмоциональные состояния, таких как немецкое слово Schadenfreude, которым нет английских эквивалентов.

Мы часто думаем, что если возьмем какое-нибудь слово родного языка и найдем ему буквальный эквивалент в другом языке, то это слово будет значить там то же самое. Но хотя существует много пар слов, обозначающих в разных языках, в целом, одно и то же, эти слова часто имеют разные оттенки и сопутствующие значения. Даже слова, обозначающие такие простые и общие для всех понятия, как ломать, резать, есть и пить, могут иметь в разных культурах очень различные сопутствующие значения и оттенки и использоваться в разном контексте. Кроме того, люди разных культур могут связывать с одним и тем же словом разные ассоциации. Думая о соотношении между каким-либо словом нашего родного языка и его буквальным эквивалентом в другом языке, мы не должны рассматривать эти слова как точные эквиваленты. Если мы примем во внимание все значения слова, нам будет очень трудно найти в других языках слова, имеющие точно такие же основные и сопутствующие значения, оттенки и подтексты¹⁹.

«Когда мы знакомимся с культурами прошлого, — пишет А.Л. Никифоров, — мы отбираем из них то, что в какой-то мере вошло в нашу собственную культуру, что кажется нам интересным и ценным с нашей точки зрения, отменяя в сторону все, что представляется непонятным, чуждым, все, что умерло вместе со смертью прежних моделей мира»²⁰.

Автор рассматривает в разделе «Референты мира культуры» такой исторический феномен, как «Столетняя война». Хочу в связи с этим предложить свой вариант интерпретации данного события. Со школьных времен мы помним гражданскую войну в Англии, которая была помечена красивыми символами — Алой и Белой Розы. Она стала поистине гражданской, хотя соперничали в ней Йоркшир и Ланкашир. Длилась эта бойня три десятилетия. В результате в ней погибло столько видных аристократов, что английскому королю Генриху VII потребовалось немало времени, чтобы восстановить этот социальный слой. В историческом описании этой бойни много красивого. Всадники, покрытые тяжелыми латными доспехами, тяжелая поступь коней. Стремительный полет стрелы, выпущенной из лука. И, разумеется, розы как символ любви и радости. Благородно, впечатляюще.

Но, оказывается, война вовсе не была гражданской. Историки рассказывают про несметное число жертв, разоренных земель. А ради чего? Обнаружено, что мы имеем дело не с историческими фактами, а с мифами, изготовленными после того, как сражения давно закончились. Теперь мы знаем, что война была династической. Но самое главное — все, что было в реальности, искажено, представлено совсем в другом свете. В XVI в. король Генрих Тюдор заставил историков переписать события войны так, чтобы они могли оставить в головах людей представление именно о династии Тюдоров, сокрушивших беспорядки и хаос, порожденные розами разных расцветок. Война на самом деле стала следствием борьбы за власть двух политических партий. Во время военных действий никто из воюющих сторон не убивал простых крестьян, поскольку рассчитывал завоевать поддержку простолюдинов. Жителей деревень не уничтожали, постройки не жгли. Кровавая суть войны, как выяснилось позже, не выглядела столь грандиозной. Ужасы, которые описывались историками, не являлись столь трагическими и

¹⁹ См. об этом: Мацумото Дэвид. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. М., 2008.

²⁰ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 138.

романтичными. Картины смертельных противостояний, повлекших разграбление и опустошение, выдумали сторонники Тюдоров. Им было важно показать, что до их восшествия на престол в стране царил разруха и опустошение. А процветание началось тотчас же, как только на троне оказался Генрих VII. Да и тридцатилетней войну назвать невозможно. Вся эта кампания заняла всего 428 дней. Но вот что в какой-то степени можно назвать комичным. Названное противостояние двух групп феодалов никак не связано ни с Алой, ни с Белой розами. Красивое название сражений, судя по всему, обозначилось позже. Скорее всего, эти символы придумал Вальтер Скотт в XIX в. А, может быть, и сам писатель стал заложником вымыслов, рожденных еще раньше. Не исключено, что мифологический вариант войны связан с В. Шекспиром. Ему принадлежит пьеса «Генрих VI». В ней есть сцена, когда соперничающие группы знати «кучкуются» в саду Темпля, где они собирают красные и белые розы.

Итак, неужели в истории царит вымысел, а в политике — мифология? Не исключено, что юмористическая фраза И. Ильфа, занесенная в записную книжку: «Когда усилилось преподавание истории в школе, все узнали, кем была Мессалина, и Матрена, переименованная на Мессалину, оказалась в безвыходном положении», таит в себе глубокий подтекст. А может быть, это частный случай, а в истории главенствуют только подлинные факты? Не исключено, что история, согласно Н.М. Карамзину, священная книга, которая формирует у народа возвышенный образ самого.

Понимать — это означает всегда «входить в контакт». Если мы рассматриваем письменную или устную речь как некое информационное поле, то важно осознать те механизмы, которые определяют феномен творческого истолкования посланного текста.

Понимание всегда означает отношение человека к тексту, синоним того, с какой единицей коммуникации, каким знаковым образованием мы имеем дело. Процесс понимания характеризуется следующими факторами:

- ✓ ментально-физиологической активностью того, кому послан текст;
- ✓ степенью текстовой сложности;
- ✓ креативностью того, кто принимает послание, ведь в процессе коммуникации текст искажается.

Различной степенью и глубиной: понимание может быть полным и неполным, адекватным и

неадекватным. Когда мы слушаем лектора и не можем войти в лабораторию его мысли, мы находимся в пространстве бессмысленности. Смысл не присутствует в его лекции как нечто предусмотренное, предназначенное: его следует только уловить. Напротив, постижение смысла — это оригинальный и творческий процесс. Результат понимания может оказаться гораздо более богатым, нежели то содержание, которое содержится в сообщении. Бессмыслица, таким образом, в аспекте феноменологии, понимающей психологии, в аспекте осмысленной значащей целостности выступает как некая стадия, как путь к обретению смысла.

«Понятия «смысл» и «значение» являются базовыми для интерпретации структуры человеческого сознания. В научной литературе мы встречаемся с множеством различных трактовок этих терминов, зачастую противоположных, иногда неопределенных. Трудности объяснения функционирования двух основных образующих индивидуального сознания до сих пор остаются и в философии²¹.

Про культурный код писал в «Литературной газете» Ефим Бершин. Он рассказывал о своей работе в газете, о том, как пришел в это издание с запальчивым намерением восстановить попорченную духовность. Он пишет: «Я подготовил к печати десять статей по десяти Моисеевым заповедям. Рубрику открыли священник Дмитрий Смирнов и ученый Сергей Аверинцев. Известные писатели в течение года объясняли стране, почему нельзя убивать, воровать, лжесвидетельствовать и зачем нужно чтить отцов и матерей. Но было поздно. Страна уже всю убивала, воровала, врала, а отцов и матерей оплевывала за их прошлую жизнь и вышвырнула за все мыслимые границы позорной нищеты. Был расстрелян не только человек, был расстрелян культурный код, объединявший страну. Шесть лет назад я вел авторскую колонку в одной известной московской газете. И как-то молодая и симпатичная заведующая мне призналась: «Знаете, говорит, — Ефим Львович, — читаю ваши колонки с большим интересом. Но когда дочитываю до конца, не понимаю, о чем они написаны». Я сначала растерялся, а потом, поговорив с этой женщиной, сообразил: все мои аллитерации, все отсылки к известным литературным произведениям и их героям больше не прочитываются, а потому

²¹ Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003. С. 175.

и не понимаются. То, что еще недавно казалось общим местом для всех, стало загадкой даже для более-менее образованных людей. Культурный код исчез»²².

Личность

Жизненный мир трактуется в монографии А.Л. Никифорова как мир непосредственного и конкретного чувственного опыта. Он полагает, что основной вопрос жизненного мира в понимании Гуссерля — это вопрос о смысле и назначении человека. Однако осмыслить этот круг проблем средствами классической науки не представляется возможным, особенно если учесть многообразие когнитивных практик, которые сложились в современном сознании. К сожалению, проблема личности специально не рассматривается в монографии А.Л. Никифорова. Он пишет: «Для того чтобы не отвлекаться на обсуждение чрезвычайно сложного вопроса о том, что такое личность, мы под личностью в дальнейшем будем понимать тот уникальный жизненный мир, который создает для себя каждый человек»²³.

Считаю возможным отметить рассуждения А.Л. Никифорова о понятии деятельности. Разумеется, об этом специфическом для человека способе отношения к внешнему миру написано немало. Деятельность состоит в преобразовании и подчинении его человеческим *целям*. В отличие от природы человек относится к природе не пассивно, а деятельно. Человеческая *активность* многолика. Она проявляется в различных сферах и имеет разнообразный характер.

Ф.-М. Вольтер полагал, что не только в человеке, но и в любом животном существует принцип деятельности, как и во всякой *машине*. Это, по его словам, первый двигатель. Он как изначальная движущая сила необходимо и вечно управляется *волей* Верховного Существа, без чего все было бы хаосом, без чего не существовало бы самого мира; «Деятельность есть наше определение», — писал И. Кант. В истолковании П.А. Флоренского деятельность обнаруживается во множественном числе: речь идет о деятельностях. Когда мы говорим слово «орудие», *то* ближайшим образом припоминаются нам молоты, пилы, плуги или колеса. Это в грубейшем смысле слова материальные орудия технической *цивилизации*. П.А. Фло-

ренский называл их для большей определенности машинами или инструментами. Такое понимание орудий труда в русской религиозной философии расходится с марксистским взглядом на данную проблему. Продукты человеческой деятельности рассматриваются не как технические инструменты, а как «проявление орудиестроительной деятельности нашего духа»²⁴.

Мне нравится, что А.Л. Никифоров специально подчеркивает, что деятельность не является универсальным понятием. Известно, что сторонники так называемого деятельностного подхода в психологии как сводят к этому понятию все виды человеческого поведения. Он пишет: «Однако если мы вспомним существенные особенности деятельности — целенаправленность, наличие предварительного плана, выбор средств, безличность — и примем во внимание громадное разнообразие актов человеческой активности, то довольно естественной покажется мысль, что отнюдь не все проявления человеческой активности обладают существенными характеристиками деятельности. Даже если оставить в стороне всякого рода произвольные, машинальные, рефлекторные движения, то и тогда нетрудно указать случаи активности, которая хотя и осуществляется при участии сознания, все же лишена важнейших черт деятельности. Когда, встречаясь с дамой, вы внимаете шляпу или целуете ей руку, можно ли назвать это деятельностью? Когда в гневе кидаетесь на кого-то с кулаками или выбрасываете в окно телевизор, разве это деятельность? Когда сидите в театре, наслаждаясь танцем Ульяны Лопаткиной, что это?»²⁵.

Добавим от себя: созерцание, не-деяние — это формы человеческого поведения, но не деятельности. А.Л. Никифоров считает, что если в активности человека неразрывно соединены деятельность и поведение, значит, активность является творчеством. Ни одна область целенаправленной людской активности, как, заметим, и человеческая деятельность в целом, не была предметом столь пристального изучения и внимания, как творчество. Творчество — деятельность, направленная на создание нового, никогда ранее не существовавшего, поэтому оно отличается неповторимостью, оригинальностью и уникальностью. В результате творчества создаются новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образы и зна-

²² Литературная газета. 2010. № 1.

²³ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 161.

²⁴ Флоренский П. А. Богословские труды. М., 1977. С. 102.

²⁵ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 168.

ния. Творчество — многоликий феномен. Поэтому разные грани творчества становились предметом исследования в различные эпохи. Внутри творчества проступали разные аспекты — объектный, эмоциональный, информационный, коммуникативный, психологический, личностный.

Личностный Александр Леонидович отмечает особо. Творчество, по его словам, способ существования личности. Но можно ли всякую деятельность считать творчеством? «Не слишком ли это противоречит повседневной очевидности, которая ежедневно и миллионами фактов свидетельствует об ином: ничего нового, оригинального, уникального нет в делах, поступках, речах встречающихся нам людей — даже тех, которые считаются новаторами и творцами!»²⁶ Да, не все стороны социальной жизни обязаны строиться по лекалам творчества. Мне уже приходилось недавно отмечать, что С.С. Аванесов неправомерно упрекает Канта в формализме: Он пишет: «Тем самым любая социальность (у Канта — П.Г.) держится лишь на формальном договоре, а не на личностных отношениях. Такой формализм требует не видеть различий между субъектом насилия и его объектом, что в реальности ведет к превышению прав насильника над правами жертвы, к желанию сохранить доверие со стороны преступников и пренебрежению доверием со стороны жертв, обрекаемых на смерть во имя высшего универсального закона морали»²⁷.

Все ли справедливо в этих размышлениях? Социальные отношения по определению безличностны. Разве почтальон доставляет мне письмо домой, потому что мы с ним дружим, и он уважает меня как личность? Неужели судья выносит приговор не по закону, а потому что преступник чем-то приглянулся ему? Верно ли, что начальник поощряет подчиненного не за реальные профессиональные успехи, а за то, что тот добрый малый? Эмиль Дюркгейм, как известно, осмысливая социальные связи, мечтал о том, чтобы они были выстроены по той же логике, по какой почтальон выполняет свои обязанности. Именно такое устройство позволяет отделить жертву от преступника и обеспечить нормальное функционирование общественного организма. Кант вовсе не пытается объединить в едином коллективе палача и страдальца.

Кто является субъектом творчества? Можно поставить этот вопрос иначе: творит природа или чело-

век? Если рассматривать «креативность» в качестве онтологической основы мира, то возможен и такой ответ: и природа, и человек... Идея «творящей природы» не нова. Ее можно обнаружить в мифах всех народов. Пантеизм как учение о том, что есть Бог немислим без этой мировоззренческой установки. По его мнению, универсум живет, растет в процессе творческого сознания и свободно развивается в соответствии с внутренне присущим ему стремлением к жизни, жизненным порывом²⁸.

В той же мере психический индивид, по Бергсону, представляет собой текучее, не связанное разумом неделимое многообразие. Жизнь может быть постигнута благодаря собственному переживанию, интуиции. «Я вдыхаю запах розы, и в моей памяти тотчас воскресают смутные воспоминания детства. По правде сказать, эти воспоминания вовсе не были вызваны запахом розы; я их вдыхаю с самим этим запахом, с которым они слиты. Другие воспринимают этот запах иначе. — Вы скажете, что это все тот же запах, но ассоциированный с различными представлениями. Я с вами согласен, но не забывайте, что вы сначала исключили из разных впечатлений, полученных от розы, все личное. Вы сохранили только объективный аспект, то, что в запахе розы относится к общей области и, так сказать, к пространству. Впрочем, лишь при этом условии можно было дать розе и ее запаху особое название. И тогда пришлось бы для различения наших индивидуальных впечатлений присоединить к общей идее запаха розы специфические свойства»²⁹.

Бергсонская «творческая эволюция» в известной мере исключила «творца». «Это концепции бытия природы, органической жизни и деятельности человека как единой творческой силы, утверждения творчества как жизни, а жизни как творчества (П.К. Энгельмейер); констатация в природе дара воображения, благодаря чему возникновение Нового отождествляется с изобретением (Т. Рибо); идея «самораскрытия» природы (В. Штерн).

Будучи человеческим творением, культура как бы стоит над природой, хотя ее источником, материалом и местом действия является природа. В органическом мире есть существа активные, создающие нечто, обусловленное инстинктом. Человеческая же деятельность не дана природой всецело, хотя и связана с тем, что природа дает

²⁶ Там же. С. 175.

²⁷ См.: Лгать или не лгать? / Под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2010. С. 262.

²⁸ Бергсон Анри. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992.

²⁹ Там же. С. 120-121.

сама по себе. Активность человека свободна в том смысле, что выходит за рамки инстинкта.

Природа человека, рассматриваемая без этой разумной деятельности, ограничена только способностями восприятия и инстинктами или же рассматривается в зачаточном и неразвитом состоянии. Но в том-то и дело, что человек способен на такую активность, которая не ограничивается природой, рамками вида. Он переходит от одной формы деятельности к другой.

Человек претворяет и достраивает природу. Культура — это формирование и творчество. Преобразуя окружающую природу, человек одновременно достраивает и себя, то есть свою внутреннюю человеческую природу. Чем шире его деятельность, тем более преобразуется, совершенствуется он сам. В этом отношении противопоставление природы и человека не имеет исключительного смысла, так как человек в определенной мере есть природа, хотя и не только природа... Не было и нет чисто природного человека. От истоков и до заката своей истории был, есть и будет только «человек культурный», то есть человек творящий».

Как известно, феномен творчества развернуто исследован русским философом Н.А. Бердяевым в его книге «Смысл творчества». Он отмечает, что в Евангелии нет ни одного слова о творчестве. Если бы пути творчества были оправданы и указаны в Священном писании, то творчество было бы послушанием, то есть не было бы творчеством. Тайна творчества сокровенна. «И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества»³⁰.

В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь. По словам Н.А. Бердяева, идея Творца о человеке головокружительно высока и прекрасна. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве заложена в человеке, как печать его богоподобия.

Яркое впечатление оставляют и заключительные разделы монографии, посвященные смыслу жизни и феномену смерти. Смысл жизни человека это — философские размышления о цели и предназначении такого дара человеку, как жизнь. Вместе с тем это регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе; оно

оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы и ценности, во имя чего необходима предписываемая им деятельность.

В истории философии можно выделить два концептуально различных подхода к проблеме предназначенности человеческой жизни. В одном случае смысл человеческого существования усматривается в моральных установлениях земного бытия человека. В другом — в неких запредельных трансцендентных критериях, определяющих окончательную ценность человеческой жизни. Можно различать также телеологическую, предопределенную точку зрения на проблему и концепцию свободной воли, определяющей возможности человеческой жизни. Наконец, поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности человеческих упований и действий.

В древнекитайской этике значимость человеческой жизни во многом определялась идеалом внутренней свободы, который получил развитие в учениях ранних конфуцианских и даосских мыслителей.

Телеологическая точка зрения восходит к Аристотелю. Он создал этическую теорию как самостоятельную науку, не зависимую от политических обстоятельств. Именно она дает практические рекомендации, как достичь счастья и осмысленности жизни. Аристотель отмечал, что одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость. Счастье в концепции античного философа рассматривалось как высшее и прекрасное благо, которое доставляет удовольствие. Эвдемонизм считал счастье высшей целью человеческой жизни. Это был один из основных принципов древнегреческой этики, тесно связанной с сократовской идеей внутренней свободы личности, ее независимости от внешнего мира. Таков же был и эпикурейский вариант рассмотрения смысла человеческой жизни.

В противовес этой версии древние стоики учили, что жизнь человека драматична, подчас окрашена в трагические тона. Удел человека — мужественно вести себя перед реальной угрозой беды, катастрофы, лишения, смерти. Стоики усматривали смысл жизни в надындивидуальной, необыденной инстанции (природе мироздания, велении Творца, законах социальной истории).

Недостаток телеологической точки зрения, идущей от Аристотеля, состоит в том, что нравственное достоинство человека и его нравственная свобода определяются вовсе не целью, которой он подчиняет свою жизнь и деятельность в мире.

³⁰ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 112.

Телеологическая точка зрения, соединенная с учением о свободной воле, может быть сформулирована так: человек должен подчинять свою жизнь поставленной ему верховной цели и ей иерархически подчинять все остальные поставленные цели, свобода же воли дает ему возможность подчинить свою жизнь этому верховному благу.

Христианская мораль в Европе определяла место и перспективы человека в мире, стратегию его поведения и высшие цели. Согласно христианству, человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни. Религиозный смысл земной истории *человечества* — искупление и спасение мира. Перед благочестивыми людьми стоит двойная опасность, писал Эразм Роттердамский: одна — как бы не пасть жертвой искупления, другая — как бы после победы не возгордиться от успеха и духовной радости.

Возрожденческая философия в целом искала смысл жизни не в трансцендентных установках, а в самом человеческом существовании, поставленных им целях. Этика И. Канта при истолковании смысла жизни интересовалась общеобязательным нравственным законом, нравственно-разумной природой человека, одинаковой у всех. В философии Г. Гегеля человеческая жизнь должна обретать смысл как проявление и орудие саморазвития и самопознания человеческого *духа*.

Проблемы смысла жизни получили разностороннюю разработку в русской религиозной философии. По словам В.С. Соловьева, проблема человеческой предназначенности состоит в том, чтобы объяснить, каким образом человек, будучи существом относительным, может выйти из сферы своей данной действительности и трансцендировать к абсолютному. Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смысл? Если есть, то имеет ли он нравственный характер, коренится ли он в нравственной области? И если да, то в чем он состоит, каково его верное и полное определение? Вот вопросы, которые ставил В.С. Соловьев.

По мнению русского философа, одни отрицают у жизни всякий смысл, другие полагают, что смысл жизни не имеет ничего общего с нравственностью, что он вообще не зависит от наших должных или добрых отношений к *Богу*, к людям, ко всему миру. Наконец, третьи, признавая значение нравственных норм для жизни, дают им весьма различные определения. Смысл жизни, по В.С. Соловьеву, заключается в ее добре. На первый взгляд эта *мысль* представляется удачной: если в жизни есть добрый смысл, то он уже сказан и сказывается

нам и не ждет наших определений. Нужно только смириться перед ним, с *любовью* принять его и подчинить ему свое существование, свою личность и тем осмыслить ее.

В.С. Соловьев подчеркивал: всемирный смысл жизни, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана от века. От века даны нам твердьни и устои жизни: семья, живым личным отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и будущим; отечество, расширяющее и наполняющее нашу *душу* содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями; наконец, церковь, связывающая и личную, и национальную жизнь с тем, что вечно и безусловно. Нравственный смысл жизни, по В.С. Соловьеву, первоначально и окончательно определяется самим добром, доступным нам внутренне через наши *совесть* и *разум*, поскольку эти внутренние формы добра освобождены нравственным подвигом *от рабства страстям* и от ограниченности личного и коллективного себялюбия.

В работах Л. Шестова, как в экзистенциализме в целом, обосновывалось право конкретного человека на определение смысла уникальной собственной жизни. «Бывает, что человек, — писал он, — со всей силой доступной ему в минуты отчаяния или экстаза страсти разрывает твердьни философских или иных предрассудков».

Стоит ли жить? Обладает ли жизнь положительной ценностью, причем ценностью всеобщей и безусловной, ценностью, обязательной для каждого? Эти вопросы ставил Е.Н. Трубецкой. Философ считал, что тот смысл, которого мы ищем в повседневном *опыте*, не дан и не явлен нам. Будничный опыт свидетельствует о противоположном — о бессмыслице жизненного существования. С тех пор как человек стал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга. Это — стремление, не достигающее цели, а потому роковым образом возвращающееся к своей исходной точке и без конца повторяющееся. О таком понимании бессмыслицы красноречиво говорят многочисленные образы *ада* у древних и у христиан. Царь Иксион, вечно вращающийся в огненном колесе, бочка Данаид, муки Тантала, Сизифова работа — все классические изображения бессмысленной жизни у греков. Аналогичные образы адских мук можно найти и у христиан.

Е.Н. Трубецкой отмечал, что вся жизнь наша есть стремление к цели. От начала и до конца она пред-

ставляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить. Но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно, по мысли философа, предполагает такую цель или ценность, ради которой стоит жить. Эта цель, или, что то же, жизненный смысл, есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью, как таковой. Вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла. Полное разочарование выразилось бы даже не в самоубийстве, а в смерти, в полной остановке жизни, ибо самоубийство есть все-таки акт волевой энергии, направленный к цели и, стало быть, предполагающий цель. Акт этот свидетельствует не о прекращении стремления к смыслу, а, наоборот, о силе этого стремления и об отчаянии, проистекающем из неудачи в его достижении.

Для чего живет человечество? Свой вариант ответа на этот вопрос предложил русский философ Н.Ф. Федоров. У людского рода, заявил он, должна быть вдохновляющая глобальная идея. Без нее невозможно нравственное поведение... Верующие, скажем, убеждены, что будут воскрешены и станут жить вечно. Это, однако, произойдет за порогом смерти. А нет ли грандиозной идеи для живущего человечества? Нет ли единой неоспоримой цели?

Такая идея, по мнению Н.Ф. Федорова, есть. Надо с помощью науки воскресить всех людей, которые когда-либо жили на земле. Когда умирает конкретный человек — это невосполнимая утрата. Но ведь множество людей прошло по земле. Н.Ф. Федоров продемонстрировал радикально-дерзновенный проект всеобщего спасения.

Человек живет не для себя. У него в помышлениях благородная идея — вернуть предков. Это и есть общее дело. Книга И.Ф. Федорова не случайно так и называлась — «Философия общего дела». Христианская идея воскресения мертвых превратилась у него в идею воскресения как долга человека. «В идее этой есть гениальное дерзновение, и сознание это — одно из самых высоких, до каких только поднимался человек», — писал Н.А. Бердяев, — высоко оценивший концепцию.

С.Л. Франк, обсуждая эту тему, при определении смысла жизни акцентировал внимание на постановке разумных целей. Он выступил против софизма: жизнь необходимо-бессмысленна, неза-

конен сам вопрос о смысле жизни. Жизнь, по его мнению, должна быть служением высшему и абсолютному благу. Следуя религиозной традиции, он считал: для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия — существование Бога и наша собственная причастность к нему.

По мнению Н.А. Бердяева, жизнь должна иметь смысл, чтобы быть благом и ценностью. Но смысл не может быть почерпнут из самого процесса жизни. Он должен возвышаться над жизнью. Оценка с точки зрения смысла всегда предполагает возвышение над тем, что оценивается. Мы принуждены признать, что есть какая-то истинная жизнь в отличие от ложной и падшей жизни. Кроме биологического понимания жизни есть ее духовное понимание. Оно предполагает не только человеческую, но и божественную жизнь. «Жизнь», по замечанию философа; может стать для нас символом высшей ценности, высшего добра, но и сама ценность, и само добро символ подлинного бытия, и само бытие есть лишь символ последней тайны.

Развивая эту мысль, Н.А. Бердяев подчеркивал, что смысл жизни для человека всегда лежит в Боге, а не в мире, в духовном, а не в природном. Первоисточник жизни находится не в человеке, а в Боге. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь была бы лишена смысла. Жизнь, по мнению Н.А. Бердяева, благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен для другой, высшей жизни.

Подвергая теоретическому анализу представления массового сознания о смысле жизни, многие философы исходят из некоей неизменном «человеческой природы», конструируя на этой основе идеал человека, в достижении которого они и усматривают смысл жизни, основное назначение человеческой деятельности. Э. Фромм видел в истории человечества два основных модуса существования, «два различных вида самоориентации и ориентации в мире... преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает, — иметь или быть». Два модуса человеческого существования предполагают два разных отношения к проблеме смысла жизни и ее реализации.

Личность с ориентацией на «бытие» стремится к реализации уникального смысла своей жизни. Тенденция «быть» означает любить, творить, отдавать, жертвовать собой. Такая личность находит свой смысл в служении людям в любви и созидании. Реализуя смысл своей жизни, она реализует себя.

Личность, ориентированная на «обладание», напротив, видит смысл своей жизни в том, чтобы как можно больше брать и иметь. Э. Фромм утверждал: «Нет другого смысла жизни, кроме того, который человек придает ей, раскрывая свои силы в продуктивной, творческой жизнедеятельности».

В ряде современных социальных теорий смысл жизни по-прежнему усматривается в реализации внеисторических задач либо в достижении определенных потребительских стандартов и индивидуального благополучия. Нередко провозглашаются бессмысленность и абсурдность любой деятельно-

сти ввиду отсутствия у нее какой-либо объективной направленности. Распространены и теории, отрицающие возможность метафизического или научно достоверного ответа на вопрос о смысле жизни.

Книга Л.А. Никифорова представляет собой развернутый и доказательный анализ многих проблем жизненного мира. По своей журнальной обязанности я постоянно отслеживаю книжный поток. Увы, некоторым авторам желательно показать хорошо скрученный кукиш. А вот с Александром Леонидовичем хочется обменяться долгим и дружеским рукопожатием.

Список литературы:

1. Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.
3. Делёз Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.
4. Лгать или не лгать? / под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2010.
5. Лекторский В.А. Философия. Познание. Культура. М., 2012.
6. Мацумото Д. Человек, культура, психологи я. Удивительные загадки, исследования и открытия. М., 2008.
7. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М., 2005.
8. Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012.
9. Ницше Ф. Соч.: в 2-х томах. Т. 2. М., 1990.
10. Нордау М. Вырождение. М., 1995.
11. Померанц Г. Выход из транса, М., 2010.
12. Руднев В.П. Полифоническое тело. Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис, 2010.
13. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003.
14. Фарман И.П. Жизненный мир // Культурология. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М., 2007. С. 643.
15. Флоренский П.А. Богословские труды. М., 1977.
16. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998.
17. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1986.

References (transliteration):

1. Bergson A. Sbranie sochineniy. T. 1. M., 1992.
2. Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. M., 1994.
3. Delez Zh. Kritika i klinika. SPb, 2002.
4. Lgat' ili ne lgat'? / Pod red. R.G. Apresyana. M., 2010.
5. Lektorskiy V.A. Filosofiya. Poznanie. Kul'tura. M., 2012.
6. Matsumoto D. Chelovek, kul'tura, psikhologi ya. Udivitel'nye zagadki, issledovaniya i otkrytiya. M., 2008.
7. Merkulov I.P. Kognitivnye sposobnosti. M., 2005.
8. Nikiforov A.L. Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka. M., 2012.
9. Nitshe F. Soch.: v 2-kh tomakh. T. 2. M., 1990.
10. Nordau M. Vyrozhdzenie. M., 1995.
11. Pomerants G. Vykход iz transa, M., 2010.
12. Rudnev V.P. Polifonicheskoe telo. Real'nost' i shizofreniya v kul'ture XX veka. M.: Gnozis, 2010.
13. Selivanov V.V. Myshlenie v lichnostnom razvitiy sub'ekta. Smolensk, 2003.
14. Farman I.P. Zhiznenny mir // Kul'turologiya. Entsiklopediya: v 2-kh t. T. 1. M., 2007. S. 643.
15. Florenskiy P.A. Bogoslovskie trudy. M., 1977.
16. Follmer G. Evolyutsionnaya teoriya poznaniya. M., 1998.
17. Fromm E. Imet' ili byt'. M., 1986.